

Лабильность в михайловском людиковском

Филипп А. Тучак

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия, tuchakphilipp@mail.ru

В докладе представлены результаты исследования лабильности на материале данных экспедиции в с. Михайловское (июнь 2023 г.). Данная работа проведена в рамках изучения типологических особенностей михайловского говора людиковского и во многом следует подходу к описанию лабильности, представленному в монографии [Летучий 2013].

Определение канонически лабильного глагола по А. Б. Летучему, принятое в рамках настоящей работы, формулируется следующим образом:

1. “Он имеет и переходную, и непереходную модели управления.
2. Семантическая роль субъекта и семантика ситуации в целом при этих моделях управления различаются.
3. Свойствами (1) и (2) обладают все формы глагола.
4. Все противопоставленные диатезы не связаны как “полная” диатеза и диатеза с опущением референтного актанта, ясного из текста, либо обобщенного актанта.
5. Два употребления глагола нельзя считать омонимичными лексемами (т.е. обозначаемые ими ситуации во многом сходны по семантике и различаются преимущественно свойствами актантов)” (цит. по [Летучий 2013: 28]).

В рамках настоящего исследования были рассмотрены декаузативная, стативная, конверсивная, рефлексивная и антипассивная лабильность.

Михайловский людиковский демонстрирует крайнюю гетерогенность класса лабильных глаголов: в нём задокументированы все вышеупомянутые типы лабильности, кроме стативной (являющейся преимущественно африканской ареальной чертой).

Для анализа декаузативной лабильности использовалась шкала, основанная на шкале самопроизвольности из [Haspelmath 1993: 104], которая ранжирует

ситуации по тому, насколько они прототипически самопроизвольны или каузированы.

Было выявлено, что лабильными являются три из 28 проверенных глаголов: *sulata* (таять/топить), *parendata* (улучшать(ся)) и *ühtištuda* (соединить(ся)).

В докладе будет продемонстрировано, что шкала самопроизвольности не является действенным инструментом для описания декаузативной лабильности в михайловском людиковском в силу отсутствия закономерности в распределении лабильных предикатов на ней. Более того, распределение людиковских каузативно-фактитивного суффикса *-ta* и медиального суффикса *-kse* по представленным на шкале глаголам само по себе не совпадает с типологическими ожиданиями о степени прототипической самопроизвольности этих глаголов.

Была также предпринята попытка объяснить лабильность найденных глаголов с помощью шкалы степени вовлеченности пациенса (ср. [Летучий 2013: 118]), однако она тоже не выявляет закономерностей. Стоит отметить, что несмотря на типологическую склонность фазовых глаголов быть лабильными, в михайловском людиковском этого не обнаружено.

В [Летучий 2013: 99] утверждается, что декаузативный тип лабильности является, как правило, наиболее распространенным в языках с несколькими типами лабильности. Эта тенденция не подтверждается для михайловского людиковского.

Реципрокальная лабильность напротив, согласно [Летучий 2013: 153; 156-157], ни в одном языке использованной в монографии выборки не является самым распространенным классом лабильности. В случае михайловского людиковского на основании малого количества собранных данных на данный момент верно, что реципрокальная лабильность – самый частотный класс с тремя лабильными глаголами из семи исследованных.

Примеры (1) и (2) иллюстрируют то, что мы будем называть конкурирующей лабильностью:

(1) *kupettada* – чесать(ся). Конверсивнолабильный.

(a) Miä	kupetta-n	kāda-n
1SG	чесать-1SG	рука-GEN

Я чешу руку

- (b) Käze kupetta-b/kupetta-ze
Рука чесать-3SG/чесать-3SG.MED
Рука чешется

(2) kengitakse – обувать(ся). Рефлексивнолабильный.

- (a) Miä kengi-muo/kengi-muo-že
1SG обувать-MED.1/обувать-MED.1-MED
Я обуваясь

- (b) Miä kengi-muo tütar-t
1SG обувать-MED.1 дочь-PART
Я обуваяю дочь

Данные примеры демонстрируют возможность выражения переходной и непереходной ситуации с помощью как формально одинаковых, так и различных предикатов, и данные употребления как порождаются, так и разрешаются носителями как полностью равноправные. Такая ситуация кажется весьма нетривиальной, и автору неизвестны описания других подобных примеров в литературе.

Еще одно нетривиальное явление – семантический сдвиг при образовании лабильных фактитивов (с помощью суффикса *-ta*, ср. [Кегауов, Vihman 2014]), происходящих от цветов:

(3) rusked – красный; rusketa

- (a) Edaha-ks rusketa-b kodii-n kroin
даль-TRANS краснеть-3SG дом-GEN крыша
Вдали краснеет крыша дома

- (b) #Häin rusketa-b iğruškaaže-n
3SG краснеть-3SG кукла-GEN
Он одевает куклу в красное платье/#Он красит куклу в красный

К 3b от носителя был получен комментарий, что слово *rusketa* употребляется скорее не просто для обозначения ситуации придания объекту некого цвета, а для ситуаций, где используется “что-то дополнительное”.

При большом разнообразии лабильных типов в михайловском людиковском представлены нетривиальная система декаузативной лабильности, развитая реципрокальная лабильность, не имеющая известных нам описаний конкурирующая лабильность и лабильные фактивитивы с дополнительной семантикой при переходном употреблении.

Литература

Летучий А. Б. *Типология лабильных глаголов*. М.: Языки славянской культуры, 2013. – 384 с. – (Studia philologica.)

Haspelmath M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations //Causatives and transitivity. – 1993. – Т. 23. – С. 87-121.

Kehayov P., Vihman V. The lure of lability: A synchronic and diachronic investigation of the labile pattern in Estonian //Linguistics. – 2014. – Т. 52. – №. 4. – С. 1061-1105.